

ГЛАВА 4. ЛЮБОВНЫЕ СТРАСТИ

Сомов после перестрелки, не желая раскрыть свое запасное убежище, попросил Пухова доставить его к гостинице «Наука». Перед тем как покинуть машину, посоветовал:

— От парабеллума все же избавься, хотя штука надежная и с большой убойной силой.

— Нет, Сомов, я пока оружие придержу при себе. Оперативная интуиция мне подсказывает, что пока ты здесь, в городе, ствол еще может пригодиться. Лучше скажи, наблюдение за Желтовым продолжать?

— Пожалуй, надо снимать. В ближайшие дни Руднев и его парни вряд ли решатся на новое покушение и лягут на дно. К тому же нашу слезку могут заметить, а я не хочу засвечивать наш интерес к Желтову. Ты постарайся завтра с утра выяснить, как полицейские расценивают происшествие возле дома подполковника.

— Постараюсь. Значит, мне вновь предстоит длительное застолье. С твоими поручениями можно алкоголиком стать.

— А ты меньше пей, а больше слушай. Кстати, возьми еще денег на угощение бывших коллег, да и твоих ребят поощрить будет не лишним. Их помощь может понадобиться в ближайшее время.

— Хорошо, давай, а я позвоню, как только что-нибудь новое узнаю.

Сомов, глядя вслед отъезжающей машине, подвел итоги: «Пухов деньги взял без всяких возражений. Он после перестрелки возле дома Желтова окончательно осознал опасность ситуации, в которую я его втянул. Но без поддержки детекти-

вов из “Рассвета” мне не справиться. Главное, чтобы я не ошибся, оставив подполковника без опеки. На моей совести будет его ликвидация».

Сомнения Сомова в безопасности Желтова были обоснованы. Битва за химкомбинат вступила в решающую стадию, и коррупционеры вынуждены были активизировать свои действия. Но о предстоящих событиях сыщик не мог знать и потому проявлял закономерное беспокойство о судьбе подполковника.

На следующее утро начальник уголовного розыска, рассматривая утреннюю почту, обнаружил среди служебных бумаг серый конверт с надписью: «Подполковнику Желтову М. В. лично в руки». Письмо приятно пахло женскими духами. Вскрыв конверт, он прочитал текст, написанный от руки: «Уважаемый, Михаил Викторович, вы в этом городе человек новый, и вам легче разобраться в несправедливом преследовании владельца автосервиса Попова. Против него возбудили уголовное дело ради корыстных интересов чиновников из мэрии и связанных с ними нечестных полицейских. Вся надежда только на вашу помощь. Если для вас честь офицера и служебный долг не пустые слова, то приезжайте сегодня в девять часов вечера в сквер на конечную остановку трамвая маршрута 3. Надеюсь, вы не испугаетесь и придете».

Желтов отложил письмо в сторону и задумался: «Если это ловушка, то меня с легкостью пристрелят в безлюдном месте на окраине города. Но и нельзя упустить возможность получить цен-

ную информацию о коррумпированных полицейских в моем отделе».

Вечером, убедившись в отсутствии слезки, Желтов сел в трамвай. На конечной остановке вышел и направился к пустынному скверу. Сев на крайнюю у входа скамейку, посмотрел на часы. До назначенной встречи оставалось несколько минут. Внезапно на аллее появилась красивая молодая женщина лет тридцати. Подойдя к Желтову, она сразу перешла к делу:

— Здравствуйте, Михаил Викторович. Я не сомневалась в вашей смелости и порядочности. У нас мало времени. Мне удалось незаметно покинуть гостиницу, и пока меня не ищут. Я адвокат из областного центра Людмила Громова. Возможно, вы обо мне уже слышали?

— Да, конечно, у вас репутация защитницы малого и среднего бизнеса от несправедливых преследований полиции. Вы здорово помотали нервы многим моим коллегам.

— И в этот раз меня пригласили в этот провинциальный городок защищать Попова, не надеясь на справедливое разрешение дела местными правоохранителями.

— Я с деталями этого материала не знаком.

— Это естественно, поскольку Попова взяли под стражу за три дня до вашего назначения в этот город. Сейчас нет времени рассказывать о запутанности бухгалтерских документов и сложности отношений с поставщиками запасных частей. Я собрала копии всех важных документов по делу. Они в этой папке. Я прошу вас с ними ознакомиться.

— Я это, конечно, сделаю. Но от меня на этой стадии расследования мало что зависит. По закону следователь ни от кого процессуально не зависит, и вряд ли меня послушают.

— Это действительно так. Но честные люди не должны мириться с правовым беспределом. Здесь, в городе, прокуратура, суд, полиция дружно поддерживают друг друга. Но я готова биться за справедливость до конца. И мне нужен мощный союзник внутри порочной системы. После ознакомления с материалами вы убедитесь в необоснованности сфабрикованных обвинений в отношении Попова и сможете добиться прекращения уголовного дела.

— А кто конкретно из сыщиков готовил материалы для привлечения Попова к ответственности?

— Ваш первый заместитель Руднев. Надеюсь, вас это не остановит?

— Давайте собранные вами документы. Я их внимательно посмотрю и если истина на вашей стороне, попробую помочь. Полагаю, следователь постарается избежать ответственности за

необоснованное привлечение к суду невинного человека.

— Вот и хорошо! Мне только нужна объективная оценка собранных следствием материалов. Полагаю, вы быстро с ними ознакомитесь. Давайте завтра встретимся с вами здесь в то же время. Я сейчас уеду первой. Не надо, чтобы нас вместе видели сотрудники полиции.

— Они только позавидуют моей компании с привлекательной молодой женщиной.

— Вы знаете, я давно привыкла к лестным комплиментам. Но для меня более ценной является высокая оценка моих профессиональных качеств. Но за проявленное внимание к внешней привлекательности особое спасибо. Женщине это всегда приятно. Но сначала надо решить наше общее дело. И в случае успеха у меня, одинокой женщины, будет причина пообщаться с интересным мужчиной не в пыльном сквере, а в иной, более уютной обстановке.

Женщина, плавно покачиваясь на каблучках, направилась к трамвайной остановке. Глядя ей вслед, Желтов самодовольно подумал: «Похоже, я ей тоже приглянулся. И мне обещано романтическое свидание не только ради помощи по делу».

Желтов был доволен своим мужским успехом и через некоторое время направился следом за адвокатессой в сторону трамвайной остановки. Дома ознакомился с переданными ему документами и пришел к следующему выводу: «Предвзятость выдвинутых обвинений против Попова бесспорна, хотя собранные сыщиками факты имели место. Но следователь истолковал их субъективно из-за нечеткой формулировки закона. И это позволило ему возбудить уголовное дело вместо наказания за нарушение административного кодекса. Но такое решение вполне в компетенции следователя. И выдвинуть обвинение против Руднева и его сыщиков мне тоже не удастся. Но слово, данное Громовой, я сдержу и постараюсь помочь ей в борьбе за справедливость».

Когда Желтов по телефону сообщил о своем решении присоединиться к борьбе за освобождение бизнесмена, Громова обрадовалась:

— Вдвоем мы добьемся успеха. Только жаль, что этот подлый тип Руднев избежит наказания. А ведь именно по его инициативе Попову необоснованно предъявили обвинение. Этот так называемый служитель закона постоянно оказывал давление на моего подзащитного, требуя уступить автосервис в обмен на прекращение уголовного преследования.

— А вот этот факт чрезвычайно интересен. Вы сможете уговорить Попова подать официальное

заявления о шантаже и вымогательстве со стороны Руднева?

— Сейчас, когда он находится под стражей, это будет трудно. Но я обязательно добьюсь от Попова заявления о неправомерных действиях сыщиков, как только он будет оправдан и окажется на свободе.

— Хорошо, тогда я завтра с утра постараюсь убедить начальника следственного отдела в необходимости прекращения уголовного преследования Попова. Помимо юридических обоснований, пригрожу передать в областную газету материал об оборотнях в погонах. Журналисты с удовольствием схватятся за такой взрывной материал.

— Это весомый аргумент. Если дело вашими стараниями прекратят, то обещанное мною свидание обязательно состоится. Повезло же мне обратиться именно к вам в этом городе!

— Ну, тогда я с утроенной энергией будут добиваться благополучного исхода в нашем общем деле. До встречи!

Отключив телефон, Желтов с удовлетворением подумал: «Похоже, мне удастся совместить полезное дело с приятным удовольствием. И вины перед женой я не ощущаю. Татьяна сама подтолкнула меня к измене, не пожелав ехать со мной и оставив в одиночестве в чужом городе. Вот пусть и пожинает плоды своего эгоизма».

На следующий день Желтов пошел к начальнику следственного отдела. Вопреки опасениям, разговор о деле Попова прошел довольно легко. Руководитель, внимательно выслушав аргументы о необоснованности правовой квалификации, согласно кивнул:

— У меня и самого возникали сомнения в обоснованности привлечения Попова к уголовной ответственности. Допущенные им нарушения не тянут на уголовную статью. Но сыщики и следователь заверили меня, что в деле обязательно появятся новые эпизоды. А ощутимых сдвигов в расследовании до сих пор нет и в будущем не предвидится. Я поговорю со следователем. Он парень понятливый, и, полагаю, уже сегодня к обеду Попов будет праздновать свое освобождение в кругу семьи.

Желтов был приятно поражен легкостью, с которой добился восстановления справедливости. Кроме того, успех делал реальным его любовное свидание с молодой красавицей адвокатесой. И это не могло не радовать.

А Сомов ничего не подозревал о происходящих вокруг Желтова событиях. Его успокоила информация, полученная Пуховым от бывших

коллег. Сотрудники не поверили в случайность перестрелки возле дома Желтова и прониклись к нему уважением. Они всячески выражали почтение человеку, находящемуся под вооруженной защитой неизвестных могущественных покровителей. И хотя внешнее спокойствие в отделе напоминало затишье перед бурей, Сомов решил, что у него вновь появилась возможность позволить себе немного отдыха. И он позвонил Насте. Та обрадованно откликнулась на его предложение:

— Слушай, Григорий, заплаченные тобой деньги за квартиру оченьгодились. Я уже договорилась со знакомой женщиной: она за пятьсот рублей присмотрит вечером за дочкой в мое отсутствие. Так что я готова к новой встрече. Ты рад?

— Излишний вопрос. Иначе зачем бы я тебе звонил?

— Тогда мы увидимся в шесть часов вечера. Будь готов!

— Я как пионер: всегда готов.

Настя закатилась счастливым смехом, и Сомов с гордостью осознал искреннее желание женщины вновь поскорее увидеть понравившегося человека. И он поспешил в квартиру на Озерной улице. Убирая комнаты и выставляя на стол вино и закуски, он с волнением ощутил давно забытое желание встречи с любимой женщиной: «Неужели я вновь, как в молодости, позволил захватить себя непрошеной страсти? А что если бросить эту рискованную работу и остаться жить по-семейному просто в этом городе?»

Его размышления прервал приход Насте. И, произнеся ни слова, они начали торопливо раздеваться, словно с момента их последней встречи прошла целая вечность. После сближения они лежали рядом, и Сомов нежно гладил ее по волосам и плечам, словно успокаивал маленькую девочку, сомневающуюся в любви строгого отца. И Настя с удовольствием принимала эти чувственные знаки мужского внимания и благодарности. Им хотелось, чтобы эти мгновения продолжались вечно.

Внезапно зазвучала трель ее мобильного телефона. Настя не хотела отвлекаться, но кто-то упорно желал немедленного общения с ней. В какое-то мгновение мелодичные звуки стали напоминать ей тревожные раскаты набата. Настя торопливо схватила телефон и, увидев номер абонента, неуверенно спросила:

— Это внезапно позвонил муж. Наверное, что-то случилось. Я отвечаю?

И не дожидаясь согласия, поспешно включила громкую связь. И в комнате раздался взволнованный мужской голос:

— Настя, милая, только не отключайся. Выслушай меня, пожалуйста. Я виноват перед тобой и Аленкой. Нет мне прощения. Но я осознал свою ошибку. Мне здесь, в этой семье, плохо и неудобно. Родители Валентины встретили меня враждебно: считают, что их дочь продешевила, связавшись с человеком, платящим алименты. Я вынужден за столом есть блюда, которые нравятся им. И мне ненавистны очереди по утрам в туалет. Я хочу вернуться домой. Не отвергай меня, как прокаженного.

— А о чем ты, Анатолий, раньше думал? Тебе было глубоко наплевать на нашу с дочкой судьбу. А теперь ты же мне жалуешься на бытовые трудности!

— Да, я подлец. Но на меня нашло какое-то колдовское наваждение. Я ничего не соображал, когда уходил из семьи. Это Валька с ее матерью опоили меня каким-то снадобьем и сумели приворожить. Прости и позволь вернуться. Клянусь, я больше никогда в жизни не взгляну в сторону никакой другой женщины!

— Твой звонок для меня полная неожиданность. Я должна хорошенько подумать прежде, чем принять решение. Дай мне время.

Отключив телефон, Настя некоторое время сидела в задумчивости. Затем повернулась к Сомову:

— Я так и не поняла, что его больше беспокоит: тоска по мне или повседневные неудобства. Да и об Аленке он упомянул вскользь. Ты все слышал. И что мне теперь делать?

— Ты ждешь от меня совета? Но с кем строить свою жизнь, женщина должна решать сама. Какие у тебя сомнения?

— Все эти месяцы я ненавидела мужа за предательство и желала ему зла. Но сейчас мне его стало жалко. Анатолий отец моего ребенка, и я не могу просто выкинуть на помойку прожитые с ним совместно годы.

— Это серьезные аргументы.

Наступила долгая пауза. По задумчивому лицу женщины было понятно, что ей больше не до плотских удовольствий. Настя встала и начала одеваться. И Сомов, понимая ее душевное состояние, не стал препятствовать ее уходу. Уже стоя в дверях, Настя неуверенно сказала:

— Я тебе на днях позвоню и сообщу о своем решении.

Сомова неприятно поразило это неопределенное обещание: «Она буквально повторила сказанное перед этим мужу. Значит, я ей не так уж и сильно дорог? Но Настю понять можно. Я, выслушав ее сомнения, так и не решился сделать конкретного предложения. Тут и обижаться нечего».

Дверь за гостьей захлопнулась. Сомов с трудом подавил желание побегать вслед за ней и уговорить остаться с ним навсегда. Но он понимал, что с его зыбкой, наполненной риском жизнью он может легко сломать жизнь этой и без того несчастной женщины.

От невеселых размышлений Сомова отвлек телефонный звонок. На миг ему показалось, что это Настя решила смягчить сухость прощания но, услышав хриловатый голос Пухова, испытал разочарование. Тот кратко предложил:

— Включи срочно наше местное телевидение и потом перезвони мне!

Сомов нажал кнопку пульта и услышал звонкий голос симпатичной дикторши:

— А теперь вновь перейдем к криминальным новостям. Мы уже сообщали о покушении на известную в городе предпринимательницу Брускову. Поражают необычные обстоятельства этого дела. Перестрелка произошла между начальником ее охраны Кустовым и подчиненными ему сотрудниками. По словам раненого Кустова, он вынужден был застрелить двух охранников, пытавшихся ограбить Брускову. И как нам только что сообщили из больницы, сам Кустов скончался во время операции. Таким образом, нападение на предпринимательницу закончилось гибелью трех человек. Сама Брускова не пострадала. Полиция приступила к расследованию этого крайне запутанного дела. Переходим к другим городским новостям.

Сомов позвонил Пухову. Тот поспешил разъяснить ситуацию:

— Слушай, мне мои бывшие коллеги сообщили, что накануне рейдерам удалось договориться с Брусковой. Она согласилась продать акции комбината за приличную наличную сумму в долларах. Но при этом покупатели потребовали от нее немедленно покинуть город во избежание новых трений из-за собственности. Узнав о полученных ею деньгах, двое парней из ее охраны решили разом разбогатеть и напали на хозяйку. Но начальник ее личной безопасности Кустов встал у них на пути.

— Возможно, грабители не договорились с ним о цене?

— Нет, скорее всего, Кустов встал на защиту хозяйки из личных мотивов. Он находился с Брусковой в любовных отношениях. Не исключено, что она обещала захватить его с собой в дальние страны. Посуди сам, за крупный куш и безмятежную жизнь на солнечном острове за рубежом можно и жизнью рискнуть. Но Кустову не повезло: пуля печень раздробила.

— А что с Брусковой?

— Представь себе, она мне недавно позвонила и попросила за крупную сумму обеспечить ее безопасностью. После перестрелки от нее ушли все охранники.

— Ты согласился?

— Нет, конечно. Мои ребята в горячих точках уцелели не для гибели за чужие бесчестные миллионы. А вот ты вполне по складу твоего авантюрного характера можешь вписаться в эту историю и пострелять вволю в злодеев.

— Ты, Пухов, всерьез считаешь, что я получаю удовольствие от стрельбы по людям? Я же не маньяк с преступными наклонностями.

— Не обижайся. Я просто подумал, что тебе захочется защитить одинокую женщину, которая сейчас укрылась в своем дачном коттедже и дрожит от страха.

— Слушай, а ты случайно уже не вписал меня в тему охраны Брусковой?

— Это произошло не по моей инициативе. Услышав мой отказ, Брускова попросила найти ей надежного телохранителя, желательно не связанного с местными воротилами и криминалитетом. И конкретно попросила разыскать мужика, который пару дней назад расправился в ресторане с тремя матерыми уголовниками. Об этом весь город говорит. Я обещал расстараться. В любой момент могу ей сообщить, что нашел тебя и ты согласился на охранные услуги за хорошую цену. И женщину спасешь, и тайком от начальства деньжат срубишь на карманные расходы.

— Заманчиво, но не помешает ли это безопасности Желтова?

— Вокруг его фигуры никакого агрессивного шевеления не наблюдается. А ты за сутки сумеешь эвакуировать Брускову из города подальше. Соглашайся. Тем более женщина хотя и в годах, но весьма привлекательная. Ну, что скажешь?

— Я, пожалуй, соглашусь. Позвони ей и скажи, что завтра с утра пришлешь меня к ней. Только с Желтовым не проколись. Он сейчас для нас ключевая фигура.

— Не волнуйся. Повторяю, вокруг него все тихо.

— Ну ладно. Тогда до связи.

Сомов сосредоточился на предстоящем задании. Он не сочувствовал предпринимательнице, но считал своим долгом противодействовать злу. Сомов и полагать не мог, что этим вечером операция по устранению Желтова с поста начальника отдела уголовного розыска вступит в решающую стадию.

Адвокатесса позвонила Желтову ближе к вечеру и сообщила:

— Попов уже дома благодаря вам. Он благодарен мне, а я в свою очередь вам. Он готов дать показания против Руднева и тех, кто сфабриковал против него дело. Я уже предварительно подобрала нужные для обвинения продажных сыщиков материалы. И теперь мы можем не прятаться, а открыто встретиться у меня в гостинице в семь часов вечера. Я живу в номере тридцать на втором этаже. Ничего не покупайте. Я уже накрыла поляну.

В назначенное время Желтов с букетом цветов вошел в номер. Сидя за накрытым столом, он внешне почувствовал робость и смущение перед красивой молодой женщиной. Та тоже явно нервничала и посматривала на часы. И Желтов поинтересовался:

— Вы кого-то ждете?

— Только ваших конкретных предложений. Но вы, несмотря на свой мужественный характер, оказались в обращении с женщинами не так напористы, как в делах. Видимо, мне придется взять инициативу в свои руки. Давайте потанцуем. Тесные объятия способствуют раскрепощению и чувственному сближению.

Она включила музыку и, потянув Желтова за руку, вывела его на середину номера. Тесно прижавшись к партнеру, женщина медленно прошлась с ним в такт томному танго. И едва они приблизились к кровати, она с силой увлекла его на поверхность белоснежного покрывала. Такая напористость адвокатессы на мгновение вызвала у Желтова подозрение в ее неискренности. Но стройное женское тело лежало рядом, дразня и вызывая желание. И он, отбросив сомнения, позволил сладкому дурману заполнить его сознание.

Но сразу после плотских утех Громова повела себя странно. Она грубо отстранилась от гостя и направилась к окну. Резко отодвинув занавеску, призывно взмахнула рукой, явно подавая кому-то знак. Затем повернулась к Желтову:

— Сейчас сюда поднимется мой друг. Будь с ним любезен. Иначе я обвиню тебя в изнасиловании. Факт нашей близости легко подтвердит биологическая экспертиза. Для убедительности могу порвать на себе платье. Но думаю, этого не понадобится: ты человек опытный и уже сам все понял.

В дверь постучали, и адвокатесса впустила в номер Руднева. Тут же она поспешила в ванную комнату, оставив мужчин беседовать наедине. Желтов с горечью усмехнулся:

— Значит, подстроили мне ловушку, спасая свои нелегальные прибыли?

— Обвинение в изнасиловании — это только повод провести в твоей квартире обыск, во время

которого мы обнаружим конверт с переданными тебе в качестве взятки ста тысячами рублей. Вот копия заявления Попова в прокуратуру о вымогательстве и уплате подполковнику Желтову этой суммы в обмен на освобождение. На деньгах зафиксированы отпечатки пальцев Попова, а на конверте, взятом из служебной почты, — твои.

— И Попов пошел на такую подлость после того, что я для него сделал?

— Он отлично знает, что к прекращению его уголовного дела ты не имеешь отношения. Попов сам обеспечил себе свободу, подписав документы на уступку своего автосервиса заинтересованным людям.

— И с какого момента Громова переметнулась на вашу сторону?

— Ей это не понадобилось. Она наш давний союзник. Мы прибегаем к ее помощи каждый раз, когда надо уговорить клиента отказаться от своей собственности в обмен на смягчение наказания. Ее участие в деле Попова — лишь удачное стечение обстоятельств, позволившее расставить тебе ловушку. Кстати, о твоей секретной миссии нас заранее предупредили из областного аппарата. Не все в полиции жаждут перемен и обновления. Так что будем делать? Мы твоей крови не жаждем. При наших делах нужна тишина, а не громкие скандалы!

— Вы хотите, чтобы я оставался на своей должности и закрывал глаза на ваши художества?

— Есть более мягкий вариант. У нас в городе плохая экология из-за химкомбината. А твой сынишка страдает хроническим бронхитом. Как заботливый отец ты сейчас напишешь рапорт о возвращении тебя в областной центр ради здоровья подростка и восстановления семьи.

— Вы загнали меня в угол. Я согласен. А что делать с лежащими у меня в квартире деньгами?

— Да хоть выбрось их на помойку. Нас судьба столь мизерной суммы не интересует. Эй, Громова, выходи. Переговоры успешно завершены.

Женщина появилась в комнате без тени смущения:

— Не обижайся, Миша, ничего личного, только дело.

Желтов обиженно отвернулся и, взяв лист бумаги, написал рапорт о своем отзыве из командировки. Затем, не прощаясь, покинул номер.

Найдя в своей квартире подкинутый конверт с деньгами, поспешил на почту и перевел всю сумму в адрес детского дома для сирот. Он надеялся этим щедрым жестом хотя бы отчасти смягчить горечь своего поражения в борьбе за очищение полицейских рядов.

Окончание следует.